

Литературная газета

№ 57 (548)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Вторник, 15 октября 1935 г.

ЗА МИР И СВОБОДУ НАРОДОВ

Война, начатая фашистской Италией против абиссинского народа, привлекает к себе внимание широчайших масс во всех странах мира. После захвата Импери Манжурии, это второе крупнейшее событие, вскрывающее всю остроту противоречия, накопившихся в лагере империализма, и всю реальность нависшей над человечеством угрозы новой опустошительной империалистической войны.

Ни в ком, кто только способен смотреть правде в глаза, не вызывают сомнения захватнические, грабительские цели итальянского военного наступления в Абиссинии. «Вина» абиссинского народа, о которой заявляет вся итальянская пресса, заключается только в том, что он не хочет добровольно слиться на милость итальянского империализма и надеется на свою фашистско-колониальную армию. Дипломаты фашистской Италии могут сколько угодно ссылаться на угрозу со стороны абиссинских войск; факты говорят о том, что итальянская армия верным, без объявления войны, перешла границы Эритреи и Сомали.

Военная авантюра Италии в Восточной Африке еще раз с предельной отчетливостью раскрывает перед лицом всего мыслящего человечества волю империализма. Недаром народные массы всех стран с нескрываемым сочувствием следят, как мужественно и упорно слабо вооруженные и плохо обученные абиссинские солдаты отстаивают каждую пядь своей страны против превосходящих их в десятки раз по силе военной техники итальянских оккупационных армий. Недаром миллионы трудящихся Советской страны, разорванные в великие октябрьские дни цель империалистической войны, с таким обостренным вниманием ловят каждое сообщение о первых являемых успехах, усталости и разочарования в рядах итальянских солдат, брошенных в угоду великодержавных планов итальянского фашизма в непроходимые ущелья Тигре и в безводные пустыни Даникия и Огадена. Исторические уроки прошлой империалистической войны не прошли для трудящихся бесследно, и не случайно идея единого антивоенного и антифашистского фронта с такой силой овладевает сейчас сознанием широчайших народных масс.

Итапо-абиссинская война является безусловно дополнительным уроком и для широких слоев интеллигенции капиталистических стран. Уже парижский конгресс писателей в защиту культуры со своей очевидностью обнаружил чувство большой тревоги со стороны лучших представителей мировой интеллигенции за судьбы человечества, перед которым вновь встал опасный кровавый взаимного истребления народов, угроза нового бессмысленного разрушения огромных ценностей, созданных трудом и творчеством целых поколений. Но для многих — в том числе для некоторых больших мастеров пера — это чувство тревоги, это предчувствие тяжелых и кровавых потрясений еще не облеклось в отчетливые конкретные формы. Сейчас эта конкретность явственно, что идеологическая размежевка в рядах мировой интеллигенции, обединение лучших мастеров культуры на платформе борьбы против империалистической войны и фашистской реакции будут значительно ускорены событиями в Восточной Африке.

В этом широком движении людей мировой науки и искусства к пониманию активной борьбы против войны и фашизма путеводным маяком будет попрежнему служить наша великая страна стражающего социализма. Советский Союз, проводящий неуклонную и последовательную политику борьбы против всякого колониального угнетения, открыто и недвусмысленно высказав свое отношение к империалистическим волеизъявлениям итальянского фашизма. Попрежнему Советский Союз является в глазах не только миллионов пролетариата и крестьянства всех стран, но и все более широких слоев зарубежной интеллигенции могучим международным фактором мира. С каждым днем Советский Союз все больше становится центром притяжения всего лучшего и честного, что есть в рядах людей мировой культуры.

Задача советских писателей, уже поднявших вместе с своими зарубежными товарищами знамя защиты культуры против фашистской реакции, — и впредь идти в первых рядах ширящегося народного фронта борьбы за мир и свободу народов.

СОВЕТСКИЕ ЖУРНАЛИСТЫ И ПИСАТЕЛИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

ПРАГА, 13 ОКТАБРИЯ. ПО ТЕЛЕФОНУ ОТ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА.

Атмосфера исключительного величия и теплоты окружает нашу делегацию. Каждая наша поездка, каждая встреча, — а видим и беседуем мы очень много, — свидетельствует о замечательной гостеприимности чехословацкого народа.

Советскую делегацию встречают фанфарам, как это было, в буквальном смысле, на приеме, устроенном бургомистром города Прага 10 октября.

Огромные толпы народа окружают наш автобус, когда мы выходим из театра или совершаем очередную поездку.

И всюду в нашем лагере приветствуют дружественные народы и мощную культуру Советского Союза.

Как мне кажется, у каждого советского человека за рубежом всегда есть желание сравнить все виденное со своим, советским. На аэродроме 9 октября мы наблюдали мертвые пелги, рисованные ириски и голубо-красные «бочки» искусственных чехословацких летчиков, и порой нам казалось, что находимся мы на Тушинском аэродроме.

9 октября по главе с нашим полпредом т. Александровским советская делегация друзей возложила венок на могилу «Будителей Чехословакии» — писателей, деятелей искусства и выдающихся ученых Чехословакии, своей работой способствовавших развитию национального сознания чехов.

С. ТРЕТЬЯКОВ.

ЗАКРЫТИЕ VI КОНГРЕССА КОМУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА МОЛОДЕЖИ

11 октября закончил работу VI Всемирный конгресс коммунистического интернационала молодежи.

В начале заключительного заседания с приветствием Конгрессу выступили делегации советских физкультурников и австрийских студентов.

Под гром аплодисментов принимается Конгрессом резолюция по докладу тов. Куусинена об итогах VII конгресса Коммунистического Интернационала тов. Михала об опыте работы Коммунистического Интернационала молодежи и задачах единого фронта молодежи тов. Чемоданова.

ПЕРЕД ПЛЕНУМОМ ССП БЕЛОРУССИИ

На повестку очередного заседания правления Союза советских писателей Белоруссии, в скором времени созываемого в Минске, т. Климовичев делает доклад о белорусской советской литературе после съезда.

За последнее время белорусские советские писатели дали ряд выдающихся произведений. К ним нужно отнести роман Голубца «Синие годы», роман Черного «Третье поколение», роман Блаули об империалистической войне — «Приближение». Чрезвычайно плодотворным истекший год был для народных поэтов Белоруссии Янни Купала и Януба Коласа, издавших книгу стихотворений, печатавшихся в белорусской и в польской печати. Писатель Януба Коласа разошелся в тысячах экземпляров и вызвала многочисленные отклики у рабочего читателя.

Глубокие по своей политической насыщенности, прекрасные по своему лиризму стихи написаны в последнее время Андреем Александровичем, еврейский поэт Илья Харик и др.

Белорусская советская литература приходит к своему очередному пленуму с богатым опытом укрепления интернациональной связи с литературными другими республиками. Украинские писатели, обмен бригадами с советской Грузией, частый проезд московских поэтов — вот факты, характеризующие рост братской связи.

В повестке для пленума кроме докладов т. Климовича — докладчик Александровича о белорусской поэзии. Харика — о еврейской поэзии. Пленум заслушает доклад о творческом пути Ильи Эренбурга.

Мы воспроизводим в этом номере произведения абиссинского искусства. Расцвета это искусство достигало в IV—VII вв. нашей эры, в связи с освоением культуры Сирия и Ирана. Высокий уровень работ древних мастеров давно утрачен, но современные художники Абиссинии остаются верными стилистическим особенностям великого искусства. Архачи почти приемом соответствуют и выбор сюжетов. Большею частью — это изображения ветховетных делов или картин, прославляющие великие победы, его победы над врагами и т. п. Но современность властью заимает о себе даже в этих овеянных вековой древностью произведениях. В руках воинов полыхают смирительные ружья, на глазах врагов — пробные шлемы. Абиссинские художники остро подмечают смелые стороны своего «цивилизированного» врага и запечатлевают их на своих холстах. Воспроизводимые нами рисунки абиссинских детей (стр. 3) свидетельствуют о своеобразии душевной жизни граждан этой древней страны. НА СНИМКЕ: «Охота на льва» (живопись XIX в.)

„ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК“

Редакция журнала «Литературный критик» устроила недавно анкету среди своих читателей. Ответы показали, что журнал имеет читателей в самых разнообразных слоях населения. Давая, в общем, весьма положительную оценку журналу, читательская масса в то же время предъявляет редакции «Литературного критика» ряд серьезных требований, свидетельствующих о необычайном культурном росте советского читателя. Требуется расширение отдела, посвященного античной и средневековой литературе, требуют большего внимания вопросам искусства, даются ценные указания по организации фольклорного материала и т. д.

«Литературный критик» учит все эти требования. В ответных письмах к своим читателям, откликнувшимся на анкету, редакция журнала обязалась сделать соответствующие выводы из их, зачастую очень ценных и полезных, указаний.

В первую очередь будет обращено внимание на дальнейшее развитие отдела, введенного в журнале в текущем году — отдела, посвященного эстетическим взглядам крупнейших представителей философской мысли. В 1935 г. «Литературный критик» дал серию статей об эстетических взглядах Вильгельма, Манна, Лессинга, Аристотеля (№ 10), Берсона.

В 1936 г. «Литературный критик» даст статьи об эстетических взглядах Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Воробьева, Луначарского и др.

Редакция «Литературного критика» убеждена в том, что потребность в исследованиях такого рода давно назрела и что это один из вернейших путей к обоснованию социалистического реализма, как выходя из всей истории развития мировой литературы и эстетике.

Большое значение придает «Литературный критик» историко-литературным проблемам, в частности, вопросу о создании марксистской истории русской литературы. В этом году

журнал дал статьи об историко-литературной концепции Белинского, о вульгарном социализме в истории литературы, о проблеме построения истории советской литературы (№ 11), наметаются статьи об историко-литературных концепциях классиков русской критики и т. д. Широко должна быть охвачена на страницах «Литературного критика» проблема мажоров. Некоторые статьи об очерке, повеле — были уже даны в текущем году, но редакция считает это совершенно недостаточным, и принимает все меры к тому, чтобы этот долг был советскому читателю оплачен полностью.

Ряд обстоятельств не позволили редакции «Литературного критика» полностью реализовать в текущем году план создания цикла монографий о советских писателях. В журнале были помещены статьи о Мих. Кольцова, Зощенко, Сельвинском, Маршале, Бергелсоне и Сергеевце. В будущем году будет дан ряд монографий о других советских писателях. Тот факт, что «Литературному критику» удалось сгруппировать вокруг себя лучшие кадры советской критики, в значительной степени гарантирует, что переноска творчества многих писателей будет произведена с должной глубиной и серьезностью.

Недостатком в практике «Литературного критика» является, по мнению его редакции, чрезвычайно малое количество обзорных статей о советской литературе и недостаточно полное освещение вопросов поэзии. Не отлучаясь от своих изданий и отдел конкретный критики, но в этом смысле журнал лишь отражает то положение вещей, которое объективно существовало на литературном фронте. Год после съезда прошел под знаком плодотворной работы большей части наших писателей. Вот почему «Литературному критику» пришлось ограничиться лишь статьями о произведениях Л. Ильина, Новожако-Приго, Гренбургера, Слонимского, Шль-

ниа и Олени. В наступающем году ожидается большое оживление в области художественной литературы. Это возлагает большую ответственность на редакцию журнала, обязывает ее к большой оперативности, к более углубленной борьбе за воспитание и привлечение новых критических кадров.

Одним из крупнейших достижений «Литературного критика» за отчетный год является, несомненно, его фольклорный отдел. Тут редакция проявила большую инициативу и последовательность. Статьями о фольклоре Узбекистана, Туркмении, Украины, Таджикистана, Марийской области, Кабарды, Дагестана редакция подвела нашего читателя вплотную к истокам творчества народов СССР и, несомненно, наметила пути к дальнейшему, более углубленному, научному художественному творчеству советских народов. В 1936 г. «Литературный критик» будет расширять этот отдел с прежней настойчивостью.

Впервые в этом году журнал стал уделять широкое внимание и смежным искусствам: архитектуре, живописи, театру и т. д. Все основные явления в области театра и кино нашли отражение в статьях т. Юзенова, Альтмана, Рошана, Белинского и др. Большое внимание уделял журнал и современной западной литературе. В этом отделе были даны статьи о Машеро, Жироу, Низане, Жан-Ришар Блюке, Генрихе Манне, Томасе Манне, Пильве, Оскар Марин Графе, Ромэн Сендерсе. В ближайших номерах пойдут статьи об Анри Барбюсе и Ромэн Роллана, о Фейхтвангере, о современной французской литературе и т. д.

«Вся практика «Литературного критика» в 1935 г., — заявляет редакция журнала, — будет проходить под лозунгом борьбы за подлинную публицистическую критику, такую критику, которая будет в своих оценках «исходить из наблюдения над делом действительности» (М. Горький).

„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО“

«Литературное Наследство» вступает в пятый год своего существования. За этот период было выпущено 11 сборников (№№ 1—11), 12-й (№№ 12—14) выйдет в свет в конце этого года. Наибольшее значение редакция придает тематическим сборникам, посвященным какому-нибудь одному писателю или одной историко-литературной эпохе. Такими сборниками, посвященными Гете, русской литературе XVIII века, Салтыкову-Щедрину (в двух выпусках), Пушкину.

Богаты и разнообразны документально-текстовый материал был напечатан также в сборниках смешанного характера. Достаточно сказать, что здесь впервые увидели свет такие первоисточники важности материалы, как переписка Маркса и Энгельса с Ласалем о трагедии Ласалля «Фрэнк фон Зиллерн», письма Энгельса к Милле Кауцкой о теориях Ленинского в литературе, к Маргарите Гарнье о Баллаке и реализме к Паулю Эрвсту о метафизике и вульгаризаторстве в литературной критике.

Все эти материалы, прочно вошедшие ныне в научный обиход марксистско-ленинского литературоведения, были обединены впервые в первом выпуске «Библиотеки Литературного Наследства». Из публикаций, помещенных в 1-м сборнике этого года (№ 1—11), должны быть отмечены: оставшаяся до сих пор неизвестной пьеса Ярославских рабочих-текстильщиков XVIII века, представляющая собой любопытный памятник рабочего фольклора; она снабжена обстоятельным комментарием С. Дмитриева; затем — ряд новых эпистолярных материалов о Яковлеве публицистах М. Азодовским и И. Розановым; обширные исследования Н. Писарева о Тютчеве и внешней политике русского царизма; построенная на свежем документально-текстовом материале, работа эта позволяет существенно углубить и уточнить существующие представления о политической марксизма; поэзия поэта; переписку Елизеева с Лавровым, подготовленную к печати Ф. Витязевым, и четыре письма Шехавцова к Лаврову.

Обильный справочный материал сосредоточен в обзорах литературного наследия Дениса Давыдова, Языкова, Тютчева, Шевченко, продолжатся цикл обзоров, напечатанных в прежних сборниках.

Во 2-м сборнике за текущий год (№ 12—14) будут помещены пять изданных «Философических писем» Чаадаева, подготовленных к печати и прокомментированных Д. Шаховским, дневник Одоевского за 1859—1869 гг. под редакцией М. Брискина, но вступительной статьей Б. Юзмина, исследование Б. Зингардта о юнгаровском «Фрегате Паллада», с циклом путевых писем Гончарова, незавершенная автобиография Константина Леонтьева с комментарием С. Луначарского и вступительной статьей Н. Мещерякова и т. д.

В будущем году предполагается выпустить сборники, посвященные Толстому, литературе и общественной мысли 60-х гг. и литературному движению эпохи символизма. В сборнике по 60-м гг. предполагается поместить статьи Н. Бельчикова о революционно-демократическом реализме, А. Цейлина о реакционной беллетристике, Ю. Стеклова об историческом значении Чернышевского, П. Лебедева-Полынского о Добролюбова как историке литературы, Н. Берлинера о Добролюбова и его литературных противниках, В. Жданова о Писарева и борьбе с дворянской эстетикой.

В документально-текстовом разделе сборника увидят свет такие материалы, как неизданный отрывок из «Очерков гоголевского периода», посвященный Белинскому, статья Чернышевского о Добролюбова, рецензия фета на «Что делать», неизданные стихотворения Сергия Соловьева, Гельм-Миллера, Кюльковского, Николая Курочкина и т. д. Сборник о символизме открывает циклом статей, посвященных обилию проблем изучения литературы той эпохи. Сюда входят статьи: А. Болотникова о наследии символизма и современной поэтической культуре, В. Асмуса о философско-эстетических предпосылках и основаниях символизма, Д. Мирского о символизме в

истории русской литературы, Г. Винокурова о стиховой культуре символизма и пр.

Второй раздел сборника составлен из ряда работ, построенных на новом архивном материале. Здесь опубликованы статьи: Н. Степанова о раннем символизме, А. Димшица о символизме и легально-марксистских кругах, В. Орлова о символизме и революционности 1905 г., Б. Мейлаха о сотрудничестве символистов в «Новой жизни», Д. Максимова о «Весах», И. Ямпольского о символизме и Октябре и т. д.

Кроме того, намечена группа статей о символизме в смежных областях художественной культуры. Ю. Соболев пишет о символизме и театре, И. Соловьева о символизме и изобразительных искусствах, А. Альтмана о символизме и музыке.

В сборнике будет опубликовано также ряд новых художественных материалов, эпистолярных и статейных текстов Брюсова, Блюка, Андрея Белого, в частности, фрагменты из 4-го тома его воспоминаний, Соловьева. Помимо трех названных сборников, широко развернута работа по сборнику, посвященному франко-русским литературным отношениям. Там строится в основном на публикации различных новых материалов. Количество их очень значительно. Среди других документов будут опубликованы письма Вольтера, якобинская пьеса «Обязательство гражданина», ряд документов по истории Первой французской революции, материалы по Жозефу де Метру, Ламартину, Шатобриану, А. де Винья, мадам де Сталь, Вальтер Скотт и др. Кроме публицистических статей в сборнике будут опубликованы также и обзорные. Темы их будут связаны с изучением различных проявлений французской литературы в литературу русскую и с изучением русских литературных реакций на эти проявления. Книга будет издаваться одновременно на русском и французском языках. В ней примет участие ряд французских исследователей.

НА ЗАПАДЕ

(БЕСЕДА С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ВОКС ТОВА. А. Я. АРОСЕВЫМ).

Вернувшись из поездки по Западной Европе председатель Всесоюзного общества культурной связи с зарубежной т. А. Я. Аросев поделился с нами отгуляном своим впечатлением о настроении, характерных в настоящее время для зарубежной интеллигенции и, в частности, для западно-европейских писателей. — Напряженная международная обстановка, характеризующаяся нарастающей угрозой новой военной катастрофы, не могла, разумеется, остаться без отклика в такой чутко реагирующей среде, как среда квалифицированной интеллигенции. Чувство тревоги за будущее человечества, признаки которой мы видели на парижском конгрессе, резко усугубилось итапо-абиссинской войной. Лучшие люди нашей современности все более осознают острейшую необходимость активной борьбы за мир, против фашизма. Естественно, что Советский Союз, с его мужественной и последовательной мирной политикой, стоит сейчас в центре внимания передовых людей науки и искусства западно-европейских стран. О нас говорят много, с огромным сочувствием и возлостью.

Тов. А. Я. Аросев приводит ряд своих бесед с крупнейшими европейскими писателями. — В Лондоне мне пришлось говорить с Бернардом Шоу. Живо припомня в беседе мою поездку в СССР, он особенно подчеркивал величие национальной политики советского государства. Национальный вопрос — говорил он, — разрешен в СССР блестяще. Если бы в других странах мы имели что-либо подобное, мир мог бы освободиться от таких потрясений, как итапо-абиссинский конфликт.

Другие писатели, с которыми встречался т. Аросев в Англии (В. Залис и др.), находятся до сих пор под впечатлением Всесоюзного съезда советских писателей и парижского конгресса, открывших, по их словам, новую страницу в истории мировой литературы. — Особенно яркий отклик, — продолжает т. Аросев, — выказывает современная международная обстановка на жизнь и творчество писателей Франции. Уходит в прошлое традиционный писательский индивидуализм, возвышаясь в него даже лучшие мастера в мир тончайших, но бесплодных абстракций. Большие писатели становятся пропагандистами, адресуя все чаще к народным массам и в этих массах находят неожиданно глубокий отклик на свои мысли и искания. Особенно поучителен в этом отношении пример Андре Жюда.

Андре Жюд работает сейчас над пьесой и романом, основанная тема которых — коллизия между индивидуальным и общественным. Эту тему Андре Жюд стремится раскрыть не абстрактно, а в прямой связи с общественной остротой социальных сдвигов, которые переживает человечество. В беседе со мной Андре Жюд очень горячо говорил о парижском конгрессе писателей. Он чувствовал, по его словам, как с каждым днем конгресса он становился легче. Причастие советских писателей на конгрессе было для него большим правдивым: в их лице он приветствовал грандиозность нашего строительства, размах и смелость нашего дела. Стремился максимально конкретизировать свое понятие нового мира, создаваемого в СССР, Андре Жюд пришло в голову за жизнь СССР. Андре Жюд очень сетует на незнание русского языка, но надеется овладеть им в скором времени.

Другой из больших писателей Франции и один из племенных друзей Советского Союза — Жан-Ришар Блюк.

Блюк весь отдался работе по обединению писателей на платформе борьбы за мир и защиты культуры, провозглашенной парижским конгрессом. Он прочел ряд прекрасных докладов о Советском Союзе, и лейтмотивом этих докладов является новый мир подлинной человеческой культуры, которая создается у нас. Между прочим, Жан-Ришар Блюк рассказывает о впечатлении Ромэн Роллана, вынесенных нашим великим другом из поездки в СССР, сказал, что Роллан весь полон тем оптимизмом и бодростью творчества масс, которое он наблюдал в нашей стране. Даже физическое здоровье в Москве оказалось на Роллана благотворное воздействие.

Собеседником т. А. Я. Аросева был также Андре Мальро. — Этот тонкий, нормальный человек, с его необычайно острой наблюдательностью, также вынес из поездки в СССР большой творческий заряд. Его новый роман «Времена уныния», проведший большое впечатление во Франции, проинкут духом воинствующей социальной активности. Большую работу делает Мальро через «надежда» «Nouvelles Revue Française» стремится, в частности, ближе познакомиться французскую публику через это издательство с произведениями нашей советской литературы. Мальро был глубоко потрясен смертью Анри Барбюса. Он считает Барбюса одним из людей обединяющих вокруг себя широкие слои интеллигенции, постепенно открывавшей глаза на опасность новой войны и фашистской реакции. Вскоре Мальро придет в СССР в связи с подготовкой Меерхольдом постановки пьесы на тему «Условий человеческого существования».

Какую бы группу французской интеллигенции вы ни взяли, — отмечает т. Аросев, — всюду вы ощущаете стремление через личное наблюдение войны подчеркнуть роль СССР в создании больших культурных ценностей. Я говорил с Марселем Вандаль, известным в Москве во время кинофестиваля. Он подчеркивал огромное значение приложения за границу советских фильмов для дела борьбы за мир. «Чапаев» — лучший фильм современности, — так сказал Марсель Вандаль. По своей художественной содержательности советские фильмы, писатели Вандаль, далеко оставили за собой все, что имеется в мировой кинематографии. Необходимо реализовать те огромные возможности в области техники кино, которые у нас имеются и которые мы далеко еще не привели в движение.

Заключение т. А. Я. Аросев говорит о Чехословакии. — На настроениях чехословацкой интеллигенции и, в частности, на ее отношении к вопросам мира и к Советскому Союзу особенно отчетливо сказывается перестройка сил, изменившая место в Европе за последнее время. Возьмите театр. Спектакль «Бравого солдата Швейка», даваемые в театре Вурьяна, собирают большую и очень чутко реагирующую аудиторию, настроение которой явно говорит о резком осуждении новых империалистических военных авантюр, затеваемых некоторыми европейскими государствами. Но с таким же острым вниманием и сочувствием следят практичные артисты за «Аристократами» нашего драматурга Погодина, которые идут в том же театре.

Разумеется, — заключает беседу т. Аросев, — ярким проявлением быстро растущего интереса к нашей культуре является тот прием, который оказал в Чехословакии делегация наших писателей и журналистов.

МИХАИЛ ШОЛОХОВ

Друж. шарж. худ. Кукрыниксы

„ПОРТРЕТ“ И ГОГОЛЕВСКИЙ РЕАЛИЗМ

В. Ш К Л О В С К И Й

Этот свет, предвещающий жизнь; но что все это нам стоит!

Люди, люди! для нас полумиллион дороже нас самих!

Решено! — С завтрашнего дня начинаю писать портреты! Один из товарищей моих обещался доставить мне работу. Подкрепи меня, всемогущий!

Товарищи мои называют меня мечтателем, безумцем; смеются над моею антипатией к портретам... Может быть, они и правы!

Художник Чертков не имеет у Гоголя характеристики своего происхождения. Вероятно, он не дворянин, потому что Гоголь говорит про него: «При том русский человек, а особенно дворянин или художник...»

Тут несмотря на объединение между дворянином и художником стоит «сил».

Художник Тимофеев различен. Он родился в грязной избе, воспитывался с лакеями, его оскорбляло ежедневно. Он мучается, стремясь вложить жизнь в портрет, и слышит: «Помилуйте! как же это можно!.. тут нет ни волос хвоста! Это карикатура, а не портрет!» — Попробуйте еще, убавьте немного рот, сделайте почернее брови».

Художник Тимофеев мечтает о статье в журнале, чтобы его похвалили. Художник в этой очень важной повести уходит в пещеру, которую выкопал себе в Парголове.

У художника любовь к женщине выше его по состоянию, и кончает он неизвестно чем. Не то он уезжает в Италию, не то он попадает в сумасшедший дом.

Во времена написания вещи Тимофеева предшествует первому варианту «Портрета» Гоголя, стадиально вещь совпадает с «Портретом».

Старая академия в числе своих воспитанников имела очень много крепостных, она приготавливала высококвалифицированных мастеров для двора и помещика.

В новой академии, в академии гоголевских времен, появились разночинцы.

История беленого молодого человека начиналась в академии художеств.

Голод и голод не просто, а голод человека, который требует права на жизнь, нарстающий в академию. Были такие группы учеников, в которых на три человека приходилась одна деревянная ложка. Ложку эту величали над пустыми шами на веревочке. Голод окружал не только художника, но и его семью.

К тому времени, когда был написан первый вариант «Портрета» и еще не появилась вторая редакция, была обнаружена другая повесть. Повесть эта называлась «Белая горячка». Автор ее Иван Иванович Панаев.

Повесть относится к 1840 году. Содержание ее: художник-разночинец случайно попадает в высшее общество, влюбляется, гибнет. Художник пишет портрет с аристократки. В повесть вставлено описание художественной выставки и портретов на ней. В повести описан Нестор Кукольник с его статьями об искусстве. Даны образцы статей Журналиста, разрабатывающего художника. Художник начинает стремиться к деньгам.

«Денег, денег! И он с заспанными глазами, полудремающий, для добывания денег принимался за портреты. Писать портреты чрезвычайно прибыльно, и вся мастерская его была зарюжена портретами».

Журналист говорит: «Иници теперь портреты. — ничего, так должно! Не кручинись о том, что у тебя в голове нет мыслей».

Между первой и второй редакцией «Портрета», или, скажем точнее, между временем появления их в печати прошло 7 лет.

Русская литература чрезвычайно повисла свое мастерство. «Портрет»

в первой редакции написан. Эта повесть во второй редакции уничтожена. Выброшена ненужная сцена соперничества из-за покупки портрета. Портрет покупается за двести рублей, а не за 50 рублей.

Портрет попадает в дом Черткова самым естественным способом.

Имена с Черткова. Нет уже никаких упоминаний, речи портрета.

В сон введен тройной повтор: три раза просыпается Чертков во сне.

Эти черты мастера придают вещи правдоподобие, снимают ее условность.

Чертков заказывает о себе статью, такую статью, которую мог написать журналист из «Белой горячки». Открытки из статьи Гоголь приводит, начиная с заглавия: «О необыкновенных талантах Черткова».

Вот как кончается эта статья: «Великолепная мастерская художника (Невский проспект, такой-то номер) уставлена вся портретами его кисти, достойной Ван Дайка и Тициана. Не зная, чему удивляться: верности ли и сходству с оригиналами, или необыкновенной яркости и свежести кисти. Хвала вам, художник! вы вынули счастливый билет из лотереи. Виват, Андрей Петрович! (журналист, как видно, любит фамильярность). Прославить себя и нас. Мы умеем писать вас. Всеобщее стеченье к вам с тем и деньгами — хотя некоторые из нашей же братии, журналистов, и встают против них — будут вам наградами».

Такая статья по тону могла бы быть написана Бугларными, но в панфиловке ее невозможно пародия и на Кукольника, того лживого лакея, которого описывал Панаев под именем Рабинина.

Изменилось во второй редакции и преступление художника. В первой редакции художник послушал картину за портрет, во второй он ездил в другое.

«...Он оставил портрет в стороне и отыскал у себя где-то зарюженную головку Пушкина... Удовольствие им черты, оттенки и тоны здесь ложилась в том отчужденном виде, в каком являются они тогда, когда художник вывалившись на шпатель, уже отдалается от нее и производит ей равное созвучие. Психика стала оживать, и едва скрывавшаяся мысль начала мало-помалу облекаться в видимое тело».

Здесь описана чуждая система рисования.

В академии рисовали не realistically натуралики, а рисовали антик, пользуясь натуралистами как средством вспомнить реальность, и отдалась отдаленные черты реальности, как бы призрачные ее античную, заново осуществленную скульптуру или рисунок.

Художник первого варианта «Портрета» был виноват в том только, что он недочитал, художник второго варианта виноват был в академической замене реализма.

Но Бетришом был доволен своим одностороннему мнению. Мы ставим портреты Г. Зоринко наравне с портретами великих живописцев, означая, что и лишь для безобразности нашего зрения, что у всех великих мастеров были ошибки».

Зоринко сравнивается с самыми знаменитыми художниками и даже с писателями.

Тон статьи о Зоринке и судьба художника Зоринко похожи на статью в «Портрете» и на судьбу Черткова, хотя Зоринко и умер совершенно благополучно. Но Зоринко не является прототипом Черткова, наоборот, — Чертков является прототипом Зоринко.

Эпоха требовала от художника более образованья, за которое прощала даже несходство.

VI

Гоголь в «Арабесках» хотел проанализировать Бродягу и написал в своей книге статью о картине Бродяга. Статья была включена во вторую часть «Арабесков», так же как «Несколько слов о Пушкине» вставлены были в первую часть.

В эпоху второго «Портрета» Гоголь ушел от Бродяги к Ивану. Бродяга был оставленным художником для него, как была оставлена первая половина тема — овладение мастерством вне оценки того, какое это мастерство.

Качество дворное искусство. Толстые лапы становились натурой художника, нужно было рисовать новую реальность, которую было трудно принять и про которую нельзя было сказать правду, потому что она сама была неполноценна.

Господь эту правду понимал, он учил, как исследовать грубые линии, как исследовать зримые образы, но понимал, что происходит в низшей сфере.

«Он с их пор оставил также пущее пространство, грустные и безликие пущее пространство, также беспринципно и непринципно все вокруг нас, точно, как будто бы мы до сих пор еще не у себя дома, но под редким нашим крышом, но где-то оставались бы призывно на проезжей дороге и беспечно нам от России не радужным, розовым дриемом братьев, но как-то холодной, занесенной выгой поточью станицей», где видится одна, ко всему равнодушная станицей: «Нет дошале!» Отчего это? Кто виноват? (Гоголь). «Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ»».

Гоголь выдал в своей стране все, он понимал ее, но не мог описать ее новыми методами, чем методом Черткова.

У Андрея Белого есть указание на то, что Скюдэрожево во второй части «Мертвых душ» написан в черной гамме россиики из «Портрета». От Петромича перешло к Скюдэрожево много; и темный цвет лица и примесь чего-то жалкого и отблуженного.

VII

Полевой утверждал, что сюжет «Ревизора» и «Мертвых душ» одинаков. На это ему возражал Чернышевский. «Но заметьте, однако же, что Полевой начинает с существенных вопросов и достигает в некоторой меткости упреков, замечая, что «Мертвые души» — это не придет в голову никому из помывавших различие между существенным содержанием «Ревизора» и «Мертвых душ»: пафос одного произведения составляет выточничество, галичане беспорядки и т. д. одним словом, преимущественно официальная сторона жизни, пафос другого — частная жизнь, психологическое изображение различных типов пустоты или одичалости. Но Полевой не замечая существенного различия, смотрит на сюжеты обоих произведений с чисто внешней точки зрения. Он следя за ошибками, анализирует сюжетную схему вне ее функциональной роли».

Два варианта «Портрета» — это два произведения с разными художественными методами, на них можно видеть различие между романтической и реалистической манерой Гоголя.

Первый «Портрет» работает традиционно-художественными образами, в нем есть, как в романтизме Николая Полевого, «розы, сделанные из старых тряпок».

Во втором варианте Гоголь Шпендионовский вариант так, как Шпендионов использовал средневековые новеллы для создания драмы, он перешел на сюжетные основы драмы, он перешел через нее основную трагедию своего времени.

Эпоха Гоголя была противоречива, и люди этой эпохи не могли существовать не трагически.

Николай Кукольник последние годы своей жизни тратил все свое время на пропаганду донского казачьего угля, т. е. он подымал чрезвычайно важные вопросы, но подымал так, что сам оказался всего только продавцом топлива для казари.

Класс, который он представлял — русская буржуазия — была неполноценна.

Гоголь понимал больше Кукольника и он понимал, что значит типичная эпоха железных дорог.

Гоголь рождал птицу-тройку в «Записках сумасшедшего» и делал эту тройку символом России. Он не мог реалистически написать вторую часть «Мертвых душ», потому что его художественный метод перерос мировоззрение его класса и противоречил ему.

Тема «Портрета» одна из основных тем литературы тех годов. Люди эпохи Гоголя, равно и живописцы и литераторы, погибли. Дело нашего было снова людьми, иначе мыслителями, и поэтому эпоха Гоголя так страшно двойственна: ее писатель — Гоголь, ее критики — Белинский и Чернышевский.

Гоголь в «Арабесках» хотел проанализировать Бродягу и написал в своей книге статью о картине Бродяга. Статья была включена во вторую часть «Арабесков», так же как «Несколько слов о Пушкине» вставлены были в первую часть.

В эпоху второго «Портрета» Гоголь ушел от Бродяги к Ивану. Бродяга был оставленным художником для него, как была оставлена первая половина тема — овладение мастерством вне оценки того, какое это мастерство.

Качество дворное искусство. Толстые лапы становились натурой художника, нужно было рисовать новую реальность, которую было трудно принять и про которую нельзя было сказать правду, потому что она сама была неполноценна.

Господь эту правду понимал, он учил, как исследовать грубые линии, как исследовать зримые образы, но понимал, что происходит в низшей сфере.

«Он с их пор оставил также пущее пространство, грустные и безликие пущее пространство, также беспринципно и непринципно все вокруг нас, точно, как будто бы мы до сих пор еще не у себя дома, но под редким нашим крышом, но где-то оставались бы призывно на проезжей дороге и беспечно нам от России не радужным, розовым дриемом братьев, но как-то холодной, занесенной выгой поточью станицей», где видится одна, ко всему равнодушная станицей: «Нет дошале!» Отчего это? Кто виноват? (Гоголь). «Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ»».

Гоголь выдал в своей стране все, он понимал ее, но не мог описать ее новыми методами, чем методом Черткова.

У Андрея Белого есть указание на то, что Скюдэрожево во второй части «Мертвых душ» написан в черной гамме россиики из «Портрета». От Петромича перешло к Скюдэрожево много; и темный цвет лица и примесь чего-то жалкого и отблуженного.

Полевой утверждал, что сюжет «Ревизора» и «Мертвых душ» одинаков. На это ему возражал Чернышевский. «Но заметьте, однако же, что Полевой начинает с существенных вопросов и достигает в некоторой меткости упреков, замечая, что «Мертвые души» — это не придет в голову никому из помывавших различие между существенным содержанием «Ревизора» и «Мертвых душ»: пафос одного произведения составляет выточничество, галичане беспорядки и т. д. одним словом, преимущественно официальная сторона жизни, пафос другого — частная жизнь, психологическое изображение различных типов пустоты или одичалости. Но Полевой не замечая существенного различия, смотрит на сюжеты обоих произведений с чисто внешней точки зрения. Он следя за ошибками, анализирует сюжетную схему вне ее функциональной роли».

Два варианта «Портрета» — это два произведения с разными художественными методами, на них можно видеть различие между романтической и реалистической манерой Гоголя.

Первый «Портрет» работает традиционно-художественными образами, в нем есть, как в романтизме Николая Полевого, «розы, сделанные из старых тряпок».

Во втором варианте Гоголь Шпендионовский вариант так, как Шпендионов использовал средневековые новеллы для создания драмы, он перешел на сюжетные основы драмы, он перешел через нее основную трагедию своего времени.

Эпоха Гоголя была противоречива, и люди этой эпохи не могли существовать не трагически.

Николай Кукольник последние годы своей жизни тратил все свое время на пропаганду донского казачьего угля, т. е. он подымал чрезвычайно важные вопросы, но подымал так, что сам оказался всего только продавцом топлива для казари.

Класс, который он представлял — русская буржуазия — была неполноценна.

Гоголь понимал больше Кукольника и он понимал, что значит типичная эпоха железных дорог.

Гоголь рождал птицу-тройку в «Записках сумасшедшего» и делал эту тройку символом России. Он не мог реалистически написать вторую часть «Мертвых душ», потому что его художественный метод перерос мировоззрение его класса и противоречил ему.

Тема «Портрета» одна из основных тем литературы тех годов. Люди эпохи Гоголя, равно и живописцы и литераторы, погибли. Дело нашего было снова людьми, иначе мыслителями, и поэтому эпоха Гоголя так страшно двойственна: ее писатель — Гоголь, ее критики — Белинский и Чернышевский.

«Трагедии Софокла» готовит к изданию издательство «Academia». Фронтиспис к трагедии «Эдип в Колоне» худ. А. Гончарова

ЗА РУБЕЖОМ

РЕЧЬ БОРЬБА
ЖУЛЬ РОМЭНА С ЯДОВИТЫМИ
О ЗОЛЯ КНИГАМИ

«Comedia» от 30 сентября дает выдержки из речи произнесенной Жюль Роменом в Мелане, в день годовщины смерти Эмиля Золя.

Жюль Ромэн начинал с того, что приводит слова немецкого драматурга, Ганса Реффина, который говорил ему: «Для нас Золя имеет огромное значение. Нет писателя XIX в., который был бы более актуален, чем Золя. Он актуальнее Толстого, Достоевского и даже Бальзака. Он в большей мере, чем они, представляет собою новую позицию мира, новые проблемы коллективной и пролетарской жизни. Ему одному удалось выйти за пределы буржуазной эры. Он — у входа в новый мир. И даже если рассматривать Золя только как поэта, то и тогда мы не можем не восхищаться им, потому что его эстетика — эстетика новых проблем, он впервые дает им разрешение. Это «пророчество» Реффина Жюль Ромэн закрепляет такими словами: «Скажем, прежде всего, с большой твердостью, что в наших глазах Золя — и как писатель, и как художник — велик. Он один из величайших писателей XIX в. и продолжает оставаться одним из самых актуальных... Не позволим сказать, что в некоторых отношениях то, что есть наиболее свежего, наиболее смелого в различных литературных мирах, свидетельствует о преемственной связи с Золя, о связи, в которой открыто признается наиболее смелое, с чувством облегчения. Николая еще у нас не было больше потребности иметь перед глазами такой пример. Никогда еще у нас не было больших причин стремиться осознать это неумолимое мужество и эту доблесть... От нас самих, быть может, зависит, чтобы моральная организация мира, его порядок, были окончательно утверждены. В этой трагической конкнуре каждому из нас отведена роль. И долг, который каждый из нас обязан выполнять, предопределен. Есть красота в том, что нам надо именно сегодня и всем вместе осознать это под бесмертным взглядом художника, голубяшину смерти которого мы отмечаем».

Жена Джозефа Конрада написала книгу под названием «Джозеф Конрад и его круг». Конрад предстает здесь перед читателем в виде домашнего деспота и сумасброда, заставляющего свою семью подчиняться своим капризам, бросающего в припадке гнева свои рукописи в камин. (Рукописи эти были спасены его женой и проданы впоследствии за 2000 долларов). Рецензент литературного приобщения к Нью-Йорк геральд трибуна пишет, что, читая эту книгу, нужно делать над собой усилие, чтобы осознать, что перед вами не весь время глазами его жены и не впечатление, что он представлял собой как личность и как писатель. «Чтобы это увидеть, надо восстановить в памяти его княги и отзывы о нем его современников». «Круг Конрада» — это лишь заглавие, книга не дает никаких представлений о взаимоотношениях Конрада с его друзьями. Выделены только Мелдон Форд, остальные лишь перечислены по именам.

КНИГА О ДЖОЗЕФЕ КОНРАДЕ

К ЮБИЛЕЮ СЕН-САНСА

В связи с празднованием 100-летия со дня рождения Сен-Санса создана комиссия, которая займется изданием переписки композитора.

В распоряжение комиссии переданы Адольфом Бошо (он был личным другом Сен-Санса) многочисленные документы, имеющие большое значение для истории музыки.

Жена Джозефа Конрада написала книгу под названием «Джозеф Конрад и его круг». Конрад предстает здесь перед читателем в виде домашнего деспота и сумасброда, заставляющего свою семью подчиняться своим капризам, бросающего в припадке гнева свои рукописи в камин. (Рукописи эти были спасены его женой и проданы впоследствии за 2000 долларов). Рецензент литературного приобщения к Нью-Йорк геральд трибуна пишет, что, читая эту книгу, нужно делать над собой усилие, чтобы осознать, что перед вами не весь время глазами его жены и не впечатление, что он представлял собой как личность и как писатель. «Чтобы это увидеть, надо восстановить в памяти его княги и отзывы о нем его современников». «Круг Конрада» — это лишь заглавие, книга не дает никаких представлений о взаимоотношениях Конрада с его друзьями. Выделены только Мелдон Форд, остальные лишь перечислены по именам.

повести об обреченных

Сабит Муканов избрал трудный и небезопасный путь. В своей книге «Сын баи» он выступил от имени классовых врагов. Роман этот написан в форме исповеди героя романа — байского сына Буркута и героини — байской дочери Батес. К сожалению, трудностей избранного пути ему не удалось преодолеть до конца. Любовный роман Буркута и Батес под мастерским пером талантливого писателя приобретает совершенно иной смысл, чем это кажется с первого взгляда. Яркая и увлекательная книга раскрывает перед читателем классовую борьбу в Казахстане в 1927—28 гг., развертывающуюся на широком фоне аульного быта. Старый мир знает, чувствует, отчетливо понимает, что ломка веками складывавшегося полупорядка — полудворянского быта, адата означает одновременно неизбежную гибель его самого, что рушится последняя основа, на которой он держится.

Нарушителями векового адата выступают не представители нового класса, идущего по смену умирившему, а сын и дочь бай, причём руб-

исключительно личными мотивами — борьбой за право на любовь. Но все же действующие в романе лица даны не нейтрально, а резко. В то время, как все отрицательные, по замыслу автора, типы даны в ярких образах, показаны в действиях (примечательны особенно — роман Буркута и Батес, особенно отец героини — хитрый бай, типичный хищник, дед второй — старинный благодетель вековых порядков аула, глава акагалов, учитель Каламбек, тетя Батес — Калая, приспосаблившая Мусашир и другие), положительные типы совсем не разработаны. Даже заведующая красной яртой — коммунистка Асия, сыгранная столь важную роль в деле освобождения Батес, представлена бедными штрихами.

О полновидном лице батрака Буркына читатель узнает только в конце романа, да и то из его письма Буркуту. Мукановым явно не соблюдена пропорция в отношении места и влияния действующих лиц. Уделяемых им внимание, уделяемых им в книжке, если не уважение, то по крайней мере робость».

Все в нем было набросано «с какой-то картинной беспорядкой».

Описание его такое: «Открытый взгляд, лицо мужественное, бакебары и большие усы с проседью». Движения генеральские».

Гоголь снижает Бетришева Чичиковым, который испытывает все то, что генерал хочет ему внушить

исключительно личными мотивами — борьбой за право на любовь. Но все же действующие в романе лица даны не нейтрально, а резко. В то время, как все отрицательные, по замыслу автора, типы даны в ярких образах, показаны в действиях (примечательны особенно — роман Буркута и Батес, особенно отец героини — хитрый бай, типичный хищник, дед второй — старинный благодетель вековых порядков аула, глава акагалов, учитель Каламбек, тетя Батес — Калая, приспосаблившая Мусашир и другие), положительные типы совсем не разработаны. Даже заведующая красной яртой — коммунистка Асия, сыгранная столь важную роль в деле освобождения Батес, представлена бедными штрихами.

О полновидном лице батрака Буркына читатель узнает только в конце романа, да и то из его письма Буркуту. Мукановым явно не соблюдена пропорция в отношении места и влияния действующих лиц. Уделяемых им внимание, уделяемых им в книжке, если не уважение, то по крайней мере робость».

Все в нем было набросано «с какой-то картинной беспорядкой».

Описание его такое: «Открытый взгляд, лицо мужественное, бакебары и большие усы с проседью». Движения генеральские».

Гоголь снижает Бетришева Чичиковым, который испытывает все то, что генерал хочет ему внушить

исключительно личными мотивами — борьбой за право на любовь. Но все же действующие в романе лица даны не нейтрально, а резко. В то время, как все отрицательные, по замыслу автора, типы даны в ярких образах, показаны в действиях (примечательны особенно — роман Буркута и Батес, особенно отец героини — хитрый бай, типичный хищник, дед второй — старинный благодетель вековых порядков аула, глава акагалов, учитель Каламбек, тетя Батес — Калая, приспосаблившая Мусашир и другие), положительные типы совсем не разработаны. Даже заведующая красной яртой — коммунистка Асия, сыгранная столь важную роль в деле освобождения Батес, представлена бедными штрихами.

О полновидном лице батрака Буркына читатель узнает только в конце романа, да и то из его письма Буркуту. Мукановым явно не соблюдена пропорция в отношении места и влияния действующих лиц. Уделяемых им внимание, уделяемых им в книжке, если не уважение, то по крайней мере робость».

Все в нем было набросано «с какой-то картинной беспорядкой».

Описание его такое: «Открытый взгляд, лицо мужественное, бакебары и большие усы с проседью». Движения генеральские».

Гоголь снижает Бетришева Чичиковым, который испытывает все то, что генерал хочет ему внушить

исключительно личными мотивами — борьбой за право на любовь. Но все же действующие в романе лица даны не нейтрально, а резко. В то время, как все отрицательные, по замыслу автора, типы даны в ярких образах, показаны в действиях (примечательны особенно — роман Буркута и Батес, особенно отец героини — хитрый бай, типичный хищник, дед второй — старинный благодетель вековых порядков аула, глава акагалов, учитель Каламбек, тетя Батес — Калая, приспосаблившая Мусашир и другие), положительные типы совсем не разработаны. Даже заведующая красной яртой — коммунистка Асия, сыгранная столь важную роль в деле освобождения Батес, представлена бедными штрихами.

О полновидном лице батрака Буркына читатель узнает только в конце романа, да и то из его письма Буркуту. Мукановым явно не соблюдена пропорция в отношении места и влияния действующих лиц. Уделяемых им внимание, уделяемых им в книжке, если не уважение, то по крайней мере робость».

Все в нем было набросано «с какой-то картинной беспорядкой».

Описание его такое: «Открытый взгляд, лицо мужественное, бакебары и большие усы с проседью». Движения генеральские».

Гоголь снижает Бетришева Чичиковым, который испытывает все то, что генерал хочет ему внушить

Черновые записки Пруткова — внука

Ответь, философ, почему человек рождается головой вперед, а мыслит ею по большей части, в обратном направлении? Побольше б нам крупных мастеров слова, поменьше б мастеров крупных слов.

— Кто такой Ильф?

— Недожиный автор подложных статей.

Один мой знакомец утверждает, что лирика может быть двух родов: а) или навевающая сны, или вгоняющая в сон.

Некоему знатоку, почитателю театра, предложили сочинить для «Л. Э.» статью о театре. Условие: краткость и ясность. Знаток написал:

«TEATP. См.»

Валдемукумы

Мемуаристу. Память смело уподоблю звеню, почти что по одному хвосту состоящую.

Комедиографу. Писательство — людоед... не наешмишь. Критику. Не перепутай; кого должно обложит словами, а кого дерном.

Циклопу. Смотри в оба.

Ильф и Петров о четырех ногах, а спотыкаются.

Перевод с персидского

Персидское словозвучие (по словарю: «буль-буль») Петрь розе надеждит, чье имя, миню, гуль-гуль.

Даль стихла.

Внемядут лопы вод.

Из ГИХЛА

Взять не могу ль — гуль-гуль

За перевод?

Вопросительный знак в юности был стройным знаком восклицания. А там состарился, отскочил, скрючился, оголох и дедет теперь ю всем со стариковскими переспросами.

Первостепенный германский писатель Гете Вольфганг весьма был сдержан и молчалив. А и тот однажды послал своего Фауста «К матери».

Тщетно говорить поршню: не толкайся.

Враздоброе о Западе

Надо отдать справедливость многим западным философам. Они столь племумудренны, что даже при встрече с голою истиной отворачиваются.

О писателе М.: большой писатель, скажу больше — писатель с большой дороги.

Учеба краткости. О Шоу. В двух словах: сценный, но шничен. В одном: сциничен.

Вернуть утраченную невинность столь же затруднительно, как заступиться на оторванную пуговицу.

Советы

Сатира. Буль зубаста. Или беззуба. Но только не со вставными зубами.

Прозаику. Не прозаикайся.

О публицисте Л. Да, не лишнее остроумие.

После театра. Зрители аплодировали, чтобы помешать ладоням скатываться в кулаки.

Безумный поэт безумному бильярдисту подобен.

Встретил романтиста П. Крайне расстроен. Никак не может узнать, сколько лет германе его романы.

С. ТЕВКЕЛИ

«Трагедии Софокла» готовит к изданию издательство «Academia». Фронтиспис к трагедии «Эдип — царь» худ. А. Гончарова

КОНЦЕРТА НЕ БУДЕТ

Б. ЛЕВИН

1917 год. Кулисы. Людя и Соня. На сцене играет скрипка.

СОНЯ. Я страшно волнуюсь. По-слушай, Людя. Дай руку (Прикладывает ладонь к груди). Слышишь, как стучит сердце? Перед выступлением я всегда волнуясь, но сегодня особенно.

ЛЮДА. Почему сегодня особенно? Соня. Какая ты негодная.

ЛЮДА. Потому что в зале Петр? Да, Соня?

СОНЯ. Ну да... Это такое счастье, знаешь, что он здесь. Я о нем люблю роман (напевает): «Средь шумного бала, случайно... Я страшно волнуясь... Людочка, смотри меня. (Поворачивается перед Людью) У меня все в порядке?»

ЛЮДА. (Слегка поправляет платье Соня). Ты лавно спишь это платье? Беавкусно шито.

СОНЯ. Портюга не виновата. Еле-еле хватало материи... Надо было дать совсем другую отсылку. (Смотрит на руки). Неправильно свои руки... Когда выхожу на сцену, совершенно не знаю, куда их деть. Они мешают... И потом они грязные, красные... Вот у тебя, Людя, предстанные руки... Мне бы такие руки... Ты, Людя, не волнуешься?

ЛЮДА. Перед выхолом волнуясь. Это наверно все так. Но когда я на сцене, я совсем не волнуясь. Тогда не страшно.

СОНЯ. Ты что будешь читать? ЛЮДА. Стихи Лермонтова и монолог Соня из «Дяди Ваня»... Соня, а ты очень любишь Петю?

СОНЯ. Очень, Людя, очень. Знаешь, Людя, я его так люблю, что боюсь смотреть на него, так я его люблю. Петр Германович... Я часто произношу его имя вслух... Петр Германович. Какое сильное имя... Петр Германович...

ЛЮДА. Почему ты его так любишь? Это непонятно. Он не такой уж красивый...

СОНЯ. Что ты, что ты! Он очень красивый. Он мужественный, сильный... Людя, глаза! Людя! Какие у него удивительные глаза! Нет, что ты. Он очень красивый.

ЛЮДА. Ты не обидишься, Соня, если я тебе скажу правду?

СОНЯ. Нет. Говори.

ЛЮДА. Знаешь, Петр тебя совсем не любит, и никогда на тебе не женится... Я о нем как-то говорила... И если б он даже хотел жениться, тетя Зина в жизни не разрешит. А ты знаешь, как он любит свою мать?

СОНЯ. Знаю. Ну и что ж с того? Конечно, он на мне не женится. Я на это и не надеюсь... Зачем я ему — дочь кузнецки? А я его все равно люблю. И если скажет — куда угодно, хоть на край света, я пойду с ним, куда угодно.

ЛЮДА. (С усмешкой). В том-то и дело, что он не скажет.

СОНЯ. Ты злая, Людя. Зачем ты все это мне говоришь?

ЛЮДА. Чтоб ты знала правду... Лучше самая жестокая правда, чем введение.

СОНЯ. Ты думаешь, я этого не понимаю. Людя... Ты думаешь, у меня нет самолюбия? Я все понимаю... Но ничего не могу с собой поделать... (Плечуным голосом): Боже мой, как я несчастна... Недавно я встретила Петра Германовича, он шел с Зинаидой Саввиной и мне не поклонился. Он смотрел на меня и даже не кивнул... Я знаю, как бы ты, Людя, на моем месте поступила... А я не могу... Я безумно люблю его... Что мне делать, Людя?... Боже мой, как я несчастна!

ЛЮДА. Кто счастливей? Я не видела счастливых... А ты, Соня (глядит в себя), довольно привлекательна, молода, неплохо поешь... Только тебе не надо петь классические романсы... Тебе надо петь «В лазарке ангойской Аргентине», а ты поешь «Я помню чудное мгновение»... Ну, не обижайся, Сонечка. (Подует ей) Нет, право, Соня, тебе наверно многие завидуют.

СОНЯ. (Вздыхнув). Это верно. Мне многие завидуют. А сестры — те меня просто ненавидят.

ЛЮДА. (Удивленно). Почему?

СОНЯ. Потому что ты злая, Людя.

ЛЮДА. (Вздыхнув). Почему?

СОНЯ. Потому что ты злая, Людя.

ЛЮДА. (Вздыхнув). Почему?

СОНЯ. Потому что ты злая, Людя.

ЛЮДА. (Вздыхнув). Почему?

СОНЯ. Потому что ты злая, Людя.

ЛЮДА. (Вздыхнув). Почему?

СОНЯ. Потому что ты злая, Людя.

ЛЮДА. (Вздыхнув). Почему?

СОНЯ. Потому что ты злая, Людя.

ЛЮДА. (Вздыхнув). Почему?

СОНЯ. Потому что ты злая, Людя.

ЛЮДА. (Вздыхнув). Почему?

СОНЯ. Потому что ты злая, Людя.

ЛЮДА. (Вздыхнув). Почему?

СОНЯ. Потому что ты злая, Людя.

ЛЮДА. (Вздыхнув). Почему?

СОНЯ. Лучшее их одеваю, лучше ем... Как стала самостоятельной, живу отдельно, им не помогаю.

ЛЮДА. Соня, а тебе жаль своих родителей?

СОНЯ. Раньше немножко жалела, а теперь насколько. Я у них не бываю и рада, что и она у меня не бывает.

ЛЮДА. (Смеется). Вот, что мне в тебе нравится, Соня, — откровенность. Это мне еще в тебе с детства нравилось... Людя так редко бывает искренней...

СОНЯ. Хорошо было в детстве. Я любила играть у вас на дворе. Петя меня таскал за волосы, шпыня. Даже вспоминаю об этом — наслаждение... А помнишь Колю?.. Помнишь, ты мне еще говорила, что он тебе нравится... Ты могла б полюбить такого, как Коля?

ЛЮДА. Наверно да... Я выйду замуж только за богатого, или если уж очень кого полюблю... (С улыбкой). На это у меня мало надеюсь... Но что у него было много денег. Деньги давали возможность не только хорошо одеваться, вкусно есть — это тоже очень приятно, но еще жить независимо. Вот что самое приятное... Жить — как хочешь... Встретаться с кем хочешь... (Улыбается). А мужу можно изменять.

СОНЯ. Конечно... Я бы тоже так делала (Вздыхает). Но я очень люблю Петра Германовича...

ЛЮДА. Лучше всего вообще не выходить замуж. Мне так редко кто нравится. Все мои знакомые — это туслые, самодовольные лицемеры. Когда с кем-нибудь остаюсь вдвоем, я засыпаю от скуки... Я заранее знаю, что он скажет. У меня даже есть такая игра. Если я скажу — то-то и то-то, то и то-то непременно скажет то-то и то-то... Обиднее всего, что я зимой приходится измерять. От этого так устаешь... А Коля что! Когда он был маленьким, его же жала, в нем было что-то симпатичное... Я недавно со Степой пересказала ему в тюрьму папиросы.

СОНЯ. За что его посадили? Ведь он совсем недавно вернулся с фронта.

ЛЮДА. Не знаю. Петя говорит что он предатель, изменил родине. Возможно. Не интересовалась. Я больше не вмешиваюсь в политику. Сейчас, как любила говорить Стеша... А ты еще ходишь на собрания в эмансипации.

СОНЯ. Ну да, току. Там же бывает Петр Германович. Знаешь, когда он говорит, я хоть ничего и не понимаю, но вся дружка, когда он говорит... Кто посадили на политику?

ЛЮДА. Какой он политик. Его арестовали на базаре. Петя случайно был при этом. Коля извергал временное правительство, кричал, что надо кончать войну... Какой он политик... Он в политике меньше нашего понимает... И откуда ему понимать: три класса ремесленного окончили... А в детстве Коля мне чем-то нравился. Это верно... Но мне выйти за него замуж так же невозможно, как Петру Германовичу жениться на тебе.

СОНЯ. Какая ты злая, Людя.

ЛЮДА. (Вздыхнув). Почему?

СОНЯ. Потому что ты злая, Людя.

ЛЮДА. (Вздыхнув). Почему?

СОНЯ. Потому что ты злая, Людя.

ЛЮДА. (Вздыхнув). Почему?

СОНЯ. Потому что ты злая, Людя.

ЛЮДА. (Вздыхнув). Почему?

СОНЯ. Потому что ты злая, Людя.

ЛЮДА. (Вздыхнув). Почему?

СОНЯ. Потому что ты злая, Людя.

ЛЮДА. (Вздыхнув). Почему?

СОНЯ. Потому что ты злая, Людя.

ЛЮДА. (Вздыхнув). Почему?

СОНЯ. Потому что ты злая, Людя.

ЛЮДА. (Вздыхнув). Почему?

СОНЯ. Потому что ты злая, Людя.

ЛЮДА. (Вздыхнув). Почему?

СОНЯ. Потому что ты злая, Людя.

ЛЮДА. (Вздыхнув). Почему?

СОНЯ. Потому что ты злая, Людя.

ЛЮДА. (Вздыхнув). Почему?

СОНЯ. Потому что ты злая, Людя.

ЛЮДА. (Вздыхнув). Почему?

СОНЯ. Потому что ты злая, Людя.

ЛЮДА. (Вздыхнув). Почему?

СОНЯ. Потому что ты злая, Людя.

Неожиданно песня на сцене прерывается. Невообразимый шум. Топот ног.

ГОЛОС. Концерта не будет. Граждане, имеющие оружие, сдавайте у выхода красногвардейцам!.. Временное правительство пало! Власть — в руках советов.

(Шум. Сцену и кулисы заполняют красногвардейцы, солдаты и рабочие. Зрители поспешно покидают зал. Людя и Соня стоят в углу сцены, за какой-то колонной. На сцену вскакивает Петр. Он в офицерской форме.)

Петр подходит к Людю.

ПЕТР. Я бегу в казарму. Людя. Предупреди маму, что я не приду ночевать. Пусть не беспокоится.

ЛЮДА. Хорошо, хорошо, хорошо. Что произошло, Петя?

ПЕТР. Ничего особенного. Взабавулась эта сволочь. Лимончики с ней... (Уходит.)

СОНЯ (бегит за ним). Петр Германович! И я с вами.

ПЕТР (оборачивается, резко). Оставьте меня в покое. (Вспрыскивает. Настречу идет Николай, вооруженный винтовкой. Он только-что из тюрьмы, небритый. За поясом у него граната. Он останавливает Петра.)

НИКОЛАЙ. Ну-ка, снимайте вашу пушку.

ПЕТР (нервно отстегивает кобурку револьвером, отдает Николаю). Ничего, у меня для вас найдется пушка, понадежней. (Уходит.)

НИКОЛАЙ (пристреляв отобранный револьвер к поясу. Замечает Людю, подходит к ней).

НИКОЛАЙ (улыбается). Здравствуйте, Людмила Андреевна. Спасибо за пистолет. А мы только что из тюрьмы. Прямо на грузовике сюда привезли.

(Людя, не подывая руки, уходит.)

НИКОЛАЙ (злбно). Зря офицеры повнусли!

1-й КРАСНОГВАРДЕЦ и я такой же мюнхен... А ты что оборуживаешь... Они еще достают.

2-й КРАСНОГВАРДЕЦ. Залезать не приказано, только обзору наблюдать.

НИКОЛАЙ. Мало что приказано, тут надо и самому соображать. (Красногвардейцам раздают консервы. Многие тут же раскрывают и едят. Какой-то красногвардеец сад за ролью. Он играет и поет... Соня сидит в отчаянии на бутфорочном шне. К ней подходит 1-й красногвардеец.)

1-й КРАСНОГВАРДЕЦ. Вы что здесь засиделись, барышня? Концерт закончен. (Соня подымает голову. Кузнец-старик заметил Соню, подходит к ней.)

КУЗНЕЦ (удивленно). Соня!.. Да, это ж моя дочка, товарищ. Ты что тут делаешь? Плачешь? Об чем плачешь? (Музыкант начинает играть и петь.)

«О чем, Шура, плачешь?»

2-й КРАСНОГВАРДЕЦ. Ее подполковник обидел — не взял с собой. Кузнец. Псс — о чем плачет! Тут вопрос жизни решается, а она о полпоручике плачет... С нами оставался, дочка. Смотри, какие у нас молодцы! Генералы! (Смех. Соня убогает.)

3-й КРАСНОГВАРДЕЦ (своему товарищу). Веселый, кузнец... А зловред, как бык. (Вбегает старший.)

СТАРШИЙ. Выставить пулеметы. Связаться с советом. (Связисты разбивают телефонный кабель. Проводя линию.) Требуется тридцать человек к совету. (Музыканты): Передавай барабанный (Перестает играть) Кто пойдет за старшего?

НИКОЛАЙ. Я.

СТАРШИЙ. Ну, ладно, Зайцев, отбрав людей и веди.

НИКОЛАЙ. Семидесяти камера стрелка! (Красногвардейцы строятся.) Проверить затворы! (Проверяет затворы.) Проверить гранаты... Забрав полюбые патроны!

КУЗНЕЦ. И я с тобой.

НИКОЛАЙ. Становись, старик. (Слышен орудиный выстрел.)

НИКОЛАЙ (командует). Направо! (Уверенно.) Пошли, ребята!

3 А Н А В Е С.

«Городок» А. Безименного переизд. «Советский писатель». Рисунки худ. Ю. Цишевского.

РАСТЕТ ЛИТЕРАТУРА СТАЛИНГРАДА

В этом году писатели Сталинградского края сделали решающий шаг от кружка любителей подготовительной работы к большой литературе.

В краевом журнале «Поволжье» закончен печатанием и выходит на днях в свет отпечатанное издание большого романа М. Цюбана «Хлеб», посвященный колхозному строительству.

Краевое издательство выпускает первую книгу молодого способного писателя И. Сухова «Донская повесть». В журнале «Поволжье» печатается первая повесть Г. Смольянова «Победитель». Ряд других товарищей также издают или заканчивают крупные произведения. Рассказ В. Матускина «Хладнокровный человек» выходит отдельной книжкой. Находится в производстве книга рассказов И. Вязкого. П. Абрамов заканчивает большой роман «Просторная жизнь».

Кроме этого упомянутые товарищи усердно работают над новыми произведениями. Цюбин пишет новый роман, Сухов — повесть «Смольянов» и повесть «Коллективизация». Матускин — повесть «Коллективизация». П. Дармания пишет рассказы. Готовится к печати сборник стихов М. Дорощина и Н. Новоселского. Стихотворная поэзия для детей «Рыбий бунт» И. Новоселского выпускается Сталинградским издательством.

Казаюсь бы, что такая несомненно здоровая активность сталинградских писателей должна в свою очередь вызвать повышенный интерес к ним со стороны руководящего аппарата всесоюзного ЦСР. Однако этого не случилось.

Было время, когда сталинградские писатели прямо обращались в правление ЦСР за помощью, но безрезультатно.

Правда, иногда правление присылало того или иного писателя или критика из центра с широкими полномочиями, но пользы, к сожалению, это приносит мало.

Однажды правление ЦСР прислало список московских писателей, желающих помочь молодым сталинградским писателям; там были известные имена (не будем их называть; правление оно известно), но дальше списка дело не пошло. Сталинградцы послали письма, рукописи, письма, а все кануло в небытие. Бывали и такие факты, когда рукописи сталинградского писателя, посланные в Москву, возвращались с несерьезной малокалорийной рецензией.

Сейчас писатели Сталинграда развернули большую работу по подготовке к 20-летию Октября. Решено написать и издать книгу «Три поколения» (о трех поколениях революции) и сборник фольклора Сталинградского края. К сбору фольклора (донского, левобережного и казачьего) уже приступили.

В этой работе также нужна помощь Москвы. Широко развернута литературно-массовая работа. На крупнейших предприятиях города (СТЗ, «Баррикады», «Красный Октябрь», «Электростанция» работает литкружок. Правление проектирует издание в городе сборника литкружков. По решению ВЦСПС в Сталинграде организуется кабинет рабочего-автора, который даст возможность поднять работу с начинающими писателями на высшую ступень. Уже сейчас созданы литкружки в СТЗ и других заводах. Это есть ряд вышедших творческих товарищей.

Недавно актив сталинградских писателей был принят тов. И. М. Вайсманом — секретарем крайкома ВКП(б) и председателем крайисполкома. С. М. И. Мануиловым. В беседе с писателями т. Вайсман остановился на необходимости содействия хороших условий для творческого роста молодых писателей и подчеркнул важность серьезной упорной учебы и работы над собой.

Создать высококачественные книги к 20-летию Октября — дело этих сталинградских писателей. Дело всесоюзного руководства ЦСР — обеспечить писателям серьезную и вдумчивую помощь в этой большой работе.

АЛ. ЧЕРНЕНКО, Г. СМОЛЬЯНОВ.

ЖУРНАЛЫ «ЗВЕЗДА» № 9

Этот номер лучше, не хуже, но и не столько не лучше предшествующих. Иначе говоря, полностью соотвечаясь с признанием редакции «Звезды» (см. «Литературная газета» № 55) в значительном снижении художественного уровня журнала за прошлый год, нельзя согласиться с тем, что в этом году журнал стал значительно интереснее. У него есть отдельные удачные, как есть отдельные яркие страницы в рассматриваемом номере, но ни органической творческой программы для всего года, ни внутренней законченности каждого очередного номера в «Звезде» еще не чувствуется.

В девятом номере «Звезды» выпущены три беллетристических произведения советских авторов и одно иностранного. Первое обобщение, которое может показаться поверхностным, но которое невольно приходит в голову читателя, это мысль о том, что между беллетристическим материалом номера и обозначенной на обложке номером датой (месяц, год) нет никакой прочной обусловленности. Не нужно понимать этой мысли вульгарно: в ней совсем не заключено требование от писателя злободневных откликов на текущие события, как и нет в ней предрешения к индивидуальным и связанным со всей общественно-литературной обстановкой закономерностям роста таланта Брехта. Восьмой, своеобразный или иного автора. И все же хотелось бы, чтобы журнал был более гибким, более разнообразным, более открытым на живые и нетерпеливые вопросы читателей, чтобы он кого-то выдвигал, создавал какие-то новые кадры, боролся за какие-то литературные позиции, чтобы, наконец, каждый его номер отражал на своих страницах не только движение литературных сил, но и кардинальные сдвиги нашей действительности.

В самом деле, пресноватая повесть о пограничнике и его собаке — Льва Канторевича отрывки из исторического романа Вячеслава Шипкова, кусочек второй части очередного романа Константина Фелина, — разве нельзя, следом все необходимые и серьезные отговорки, возразить, что все это напечатано не в девятом номере «Звезды» за 1935 г., а скажем в пятом — за 1933?

Но, разумеется, если рассматривать не номер журнала в целом, а отдельные, вычленившиеся в нем вещи с той тщательностью, которая необходима в отношении к каждому индивидуальному автору, то в них вряд ли со старыми ошибками обнаружатся и новые творческие элементы.

Трудно сказать, но тут пора, пока этот, вышедший с месяц раньше, номер «Звезды» не будет закончен — насколько важным этапом является «Похитение Европы» в творчестве Фелина.

В критическом отделе интересна по материалу статья Е. Дюбина «Поиски героя» — о бесслезных старинных буржуазных литературах со всей полнотой героической образ.

Упоминание в заключение о статье Н. Тихонова о парижском конгрессе и о статье Глеба Дорощина «Восьмь лет спустя», где французский писатель делится своими радостными впечатлениями от посещения нашей страны.

Герман Хохлаев.

„НОВАЯ СИБИРЬ“

В журнале «Новая Сибирь», как и в других областных и краевых литературных журналах, большая часть печатающихся произведений посвящена краю в его прошлом и настоящем. Это большое достоинство журнала.

Другой вопрос — насколько полно отражает журнал сегодняшнюю социальную Сибирь, как показывает новых людей, ее создающих, и наконец, какого качества рассказы, очерки, стихи, печатаемые в журнале.

Несомненно, центральное место в разбираемых номерах журнала занимает роман сибирского писателя Ис. Гольдберг «День разгрома». В своем новом романе Ис. Гольдберг показывает провинциальный город, страшаемый громом событий 1905 г. Гольдберг сумел показать всю сложность социальных отношений в эпоху первой революции. В стенах одного города, — на митинге, в тюрьме, в полицейском участке, в больнице, на баррикаде, в ресторане — он вскрыл борьбу классов, которая охватывает буквально все социальные слои, разделяя город на два больших блока лагеря.

Если большинство рассказов и новелл, помещенных в «Новой Сибири», объединены одним общим характером — специфической краевой тематикой, то общим недостатком надо считать бедность и схематичность выведенных типов. Наиболее ярко иллюстрирует этот недостаток рассказ А. Шабрин «Делезаяк».

Некоторые рассказы не блещут стилистическими достоинствами. Так, например, в «Голубином прииске» М. Крайнова встречаются такие выражения: «комьями брызжет земля», «пофарболо», «логатка загорелась (руководящим светом)», «я киваю на заинтересовавшийся берег» и т. д.

Одна из крупных достоинств журнала надо признать публикацию историко-краеведческих материалов (Д. Н. Флоров — «А. П. Чехов в Сибири», А. Гуревич — «Первые читатели Пушкина в Сибири», Ф. Курицын — «Новые материалы о К. Г. Неуструеве»). Этот отдел повышает культурную значимость журнала, делает его более интересным для читателей, стимулирует работу исследователей в этой области.

Поэтический отдел журнала значительно слабее прозаического. Выделяется оригинальностью и непосредственностью стихотворение Елены Хоряковой «Молодость».

Многие поэты, печатающиеся в «Новой Сибири», берутся за трудную тему гражданской войны; трудную потому, что о гражданской войне написано немало. Поэту, берущемуся за эту тему, надо найти свои слова, надо суметь по-своему повернуть тему. К сожалению, стихи, написанные в этом направлении, не отличаются оригинальностью.

Вот почему в данном случае так сильно встречаются примеры редакторского безграмотности.

Вот почему в данном случае так сильно встречаются примеры редакторского безграмотности.

Вот почему в данном случае так сильно встречаются примеры редакторского безграмотности.

Вот почему в данном случае так сильно встречаются примеры редакторского безграмотности.

Вот почему в данном случае так сильно встречаются примеры редакторского безграмотности.

Вот почему в данном случае так сильно встречаются примеры редакторского безграмотности.

Вот почему в данном случае так сильно встречаются примеры редакторского безграмотности.

ОХОТНИЧИЙ ЯЗЫК Л. Н. ТОЛСТОГО И ЕГО КОММЕНТАТОРЫ

Всюду рода примечания, нужные и ненужные, украшают издания «Лесовиков». Нужные примечания, конечно, полезны, но что сказать о ненужных и даже больше — ошибочных? Даже такое солидное издание, как «Academia», не всегда свободно от самых грубых ошибок.

Зачем, например, понаблюдать издательство снабдить толстовского «Холстомера» иллюстрациями худ. М. С. Родионова, изданного по типу «роскошных» изданий. «Словарем трудных для понимания слов», который только вводит в заблуждение читателей.

В самом деле, нельзя без сарказма читать такие перлы: «Леврета — борзая небольшая», в то время, как это два различных породы собак, одна — компаньон, другая — охотничья.

Или: «Паша — султан, перья на каске», тогда как паша — это род собак, а султан на каске военного называется панамой.

Или: «Маспан — большая выходящая кость на морде животного, сустав в ноги выше бедра». Прежде всего надо из самого контекста Толстого совершенно ясно, что маспан совсем не помещается в черепе.

Через неясно, — читаем мы, — валился у кирпичного сарая только большой череп и два маспана; остальные все было растаскано. На лето муж собрал кости, унес и эти маспаны и череп и пустил их в дело.

Маспаны на охотничьем языке, собственно, называются верхние концы тазовых костей, лежащие по бокам крестца (крылья подвздошной кости).

Открываем первый том — «Детство». В словаре встречаются следующие шерешеры: 1. «Борзая — порода поджарая на высоких ногах, с длинной мордой и выстом для травы особенно зайцев» (стр. 345).

Сразу бросается в глаза нелепое построение фразы, из которой читатель может заключить, что особенностью этой породы является какой-то диковинный хвост, приспособленный для травы зайцев, в особенности же зайцев.

2. «Малик — небольшой след зайца, т. е. след поздних прыжков (от слова «малый»), (стр. 346).

На самом деле, «малик» это вообще след зайца, на снегу, будь это русак или белка, матерый (старый) или прыболой (молодой).

3. «Варьяк варом — сканать частыми прыжками» (стр. 345).

Казаюсь бы, что редакторам сочинений Л. Толстого надлежит быть хотя бы настолько элементарно образованными людьми, чтобы быть знакомыми с очень известным стихотворением Некрасова «Сюдовая охота», в котором самим Нек

НОВЫЕ КНИГИ советская литература

А. Ноздрин. «Избранные стихотворения». Стихотворения и литературные воспоминания Иванова...

М. Пришвин. «Север». Первый том собрания сочинений. Книга содержит очерки: «В краю непуганных птиц»...

Янка Хулапа. «Избранные стихи и поэмы 1906—1935». Переводы М. Горького, Э. Багрицкого, В. Брюсова...

Ю. Яновский. «Верховье». Роман из времен гражданской войны на украинском языке. 164 стр., цена 2 р. 65 к. Харьков, Держлітвидав.

русская классическая литература А. Н. «Избранные басни». 50 басен из вновь найденной рукописи...

И. Гончаров. «Обрыв». Роман в пяти частях. Второе издание. 622 стр. Ц. 7 р. 75 к. Москва, Гослитиздат.

классики народов СССР Тарас Шевченко. «Полное собрание сочинений». Т. I юбилейное издание на украинском языке...

инострная литература В. Гюго. «Девяносто третий год». Перевод М. Шимшиаровой. Редакция статьи и комментарий В. Гимельфарба...

литературоведение Д. И. Писарев. «Избранные сочинения в двух томах». Под общей редакцией В. Я. Кирпичника...

новый фильм В. Пудовкина На фабрике Мегабромфитмид слав в производство сценарий большого звукового фильма «Самый счастливый»...

совещание переводчиков Национальный сектор правления ССП СССР совместно с секцией переводчиков организует первое всеобщее совещание переводчиков...

«СКАЗКИ» МАРШАКА Сборник сказок Маршана в оформлении художника В. Лебедева выходит в издательстве «Академия»...

ТРЕХТОМНИК ГЕЙНЕ Немечка секция издательства иностранных рабочих СССР приступила к изданию избранных сочинений Генриха Гейне...

ДОМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ

— Созданный в 1931 г. в Москве Центральный дом художественного воспитания детей ставит своей задачей организовать весь внешкольный досуг детей...

Мы знаем, что до 13—14-летнего возраста дети больше всего увлекаются кино, затем «кривая кино» падает, ее перебивает «кривая театра», которая поднимается все выше...

ЧТО ЧИТАЕТ МОСКВА

Ни в одном городе мира не читают столько, сколько в Москве. Нигде издаваемых не выпускают такого количества названий, таким громадным тиражам, нигде не продают в магазинах и не выдают в библиотеках больше книг, чем в Москве.

В 8 часов утра, когда дежурный библиотекарь открыл двери библиотеки заезда парикмахерского им. Кагановича, его уже ждали три читателя. Это были рабочие ночной смены.

В этот день большой спрос был на классиков. Рабочие читали Шекспира, Байрона, Гете, Флаубера...

Приближается томовский юбилей, и растут длинные очереди записавшихся на «Войну и мир» и «Анну Каренину».

Недовольный ушел из библиотеки токарь инструментального цеха т. Алмаев. Он за год прочел свыше 200 книг и не мог найти ничего интересного среди новинок.

Комсомолец, студент шпифорочного цеха т. Шаховский принес том Гете, просит продлить срок. Он читает сейчас «Фауста».

Рабочий цеха слесарно-механиков т. Трошкин зашел в библиотеку «спогворить по душам». Он читает много и беспорядочно и хотел бы упорядочить чтение. Библиотекарь помог ему составить план чтения заледневших классиков.

Так проходит день в заводской библиотеке. Он мало чем отличается от дня большой библиотеки ЦК союза фабрикатников. Эта библиотека обслуживает преимущественно читателей со средним и высшим образованием.

«Неизвестный» Шухова — роман, далекий от совершенства. Но автор романа обладает одним несомненным достоинством: он понимает сложность процесса, происходящего в коллективизирующемся деревне...

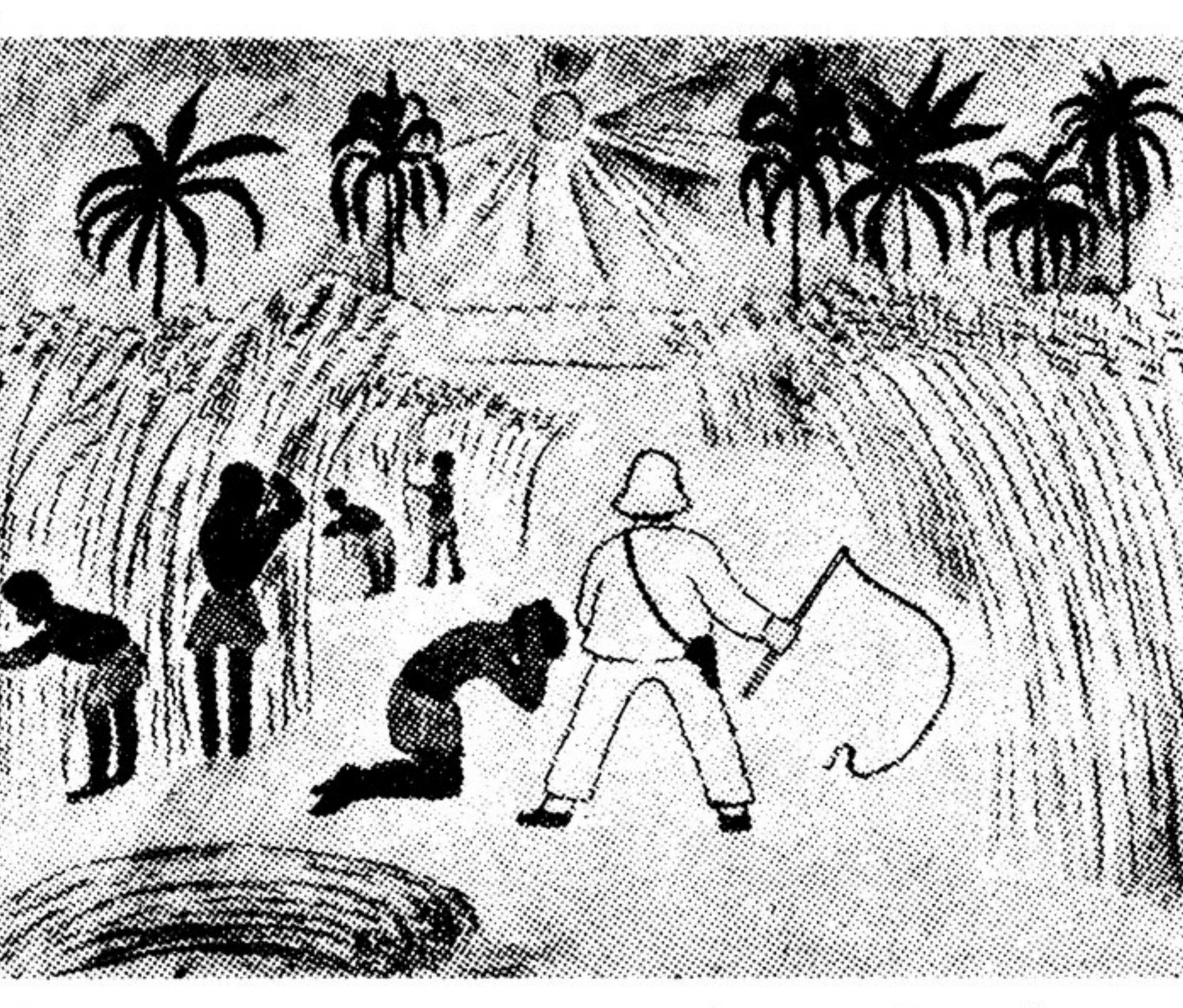
Жертвой непонимания сложности взаимоотношений классовых сил гибнет в романе Лина. Жертвой того же непонимания оказывается и сценарист «Вражьи тропы».

Она не умерла — путана, легко верная Лина, неудачная дочь колхозного регистратора. Пуля Инновича Окатова, предназначавшаяся Роману Каргополову и востанная ее в казавской степи за рулем трактора оказывается, не была смертельной.

Внимательный читатель «Неизвестный» с удивлением обнаружит в повествовании особенности лиричного мышления в сценарии фильма «Вражьи тропы».

Работники Мосфильма, славя сценарий в производство, поверили Шухову, что трагические обстоятельства, отменившие пребывание Лины в степном хуторе, открыли ей истинный смысл аллюгорических событий.

Какое горькое разочарование! Лина не понимает Романа Каргополова. Он для нее неумерен и груб. Шухов в «Неизвестный» вынашивает идею, чтобы доказать несостоятельность и возмущение ее обвинения. Лина сценарист берет реванш. На пути Каргополова одна шрапнель сменяет другую. В борьбе с этими преградами Каргополов утверждает свой образ бойца и руководителя в глазах чита-

«Эксплуатация негров капиталиста мира». Актер Муси Лансуэтиной (11 лет).

Мы видели детей, пришедших на представление чеховской «Каштанки» в кукольном театре. Мы видели, как массивная Роза Трейна занимается с детьми в аттрактах. Мы видели, как дети до начала спектакля рассматривают выставку, критикуют и восторгаются, что-то записывают для памяти, что-то обсуждают. Мы видели макеты, сделанные детьми к предстоящим постановкам. Детям читают песни, которые будут им показывать, и принимают их указания, и мы вспомнили наше детство, когда удавалось вырваться на воскресный утретник, где нас потчевали, в лучшем случае, «Хляжной ляди Тома».

Зав. лит. секцией т. С. Н. Луначарская говорит нам о том, как нужно работать в литературном кружке детей — писать или... читать. Ведь известно, что некоторые руководители литературных кружков из-за какого-нибудь раскаяния порою так захваливали ребенка, что он мнит себя уже писателем и ни о чем больше не хочет думать. Нужно ли печатать про-

визоры детей? Не развивает ли это в них тщеславия, не достаточно ли ограничить только выставкой наиболее ценных произведений, а в кружках заняться изучением литературы, чтением или рассказыванием художественных отрывков. Все это способствует развитию у детей литературного вкуса.

Мы смотрели работу изосекции, музыкальной секции, но невозможно в границах небольшой заметки осветить всю работу этого единственного в мире учреждения. Может быть, у него есть и недостатки, и даже нетерпение есть, так как это еще очень молодая организация. Но мы разрезали себе задать один вопрос: что сделал для ЦИХИД советский писатель? В альбомах дома можно найти автографы Мартина Андерсена Нессе, Жан-Ришара Бюка, Карина Михалыча и многих других известных европейских писателей. Но вы не найдете там записи ни одного крупного советского писателя. Почему наши писатели не интересуются художественным развитием детей, их литературным воспитанием?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

Драма идет под непрерывный хохот аудитории. — Муж болел. Отчаянно жестикулируя, жена провозврат встала. Точнее после его ухода встает «друг мой» и бросается на шею вероломной супруге. Муж внезапно проснулся; дико вращая глазами, он бросился в жену. Самобуйством обманутого мужа кончается роковой фильм длиною в 30—35 метров.

Драма эта — реверсия кинематографа, которому в октябре исполняется 40 лет отроду. В первые дни жизни кино о величайших возможностях киноаппарата еще не подозревали. Действие, как правило, развивалось в одной комнате, примитивный монтаж появился позднее, надписи стала составным элементом фильма только в 1910—11 г. Смешные и глупые «комедии», вроде «Погона за чортом», «Серенада» или «Вешенные бочки» являлись каталогом осязательной к тому времени кинотеатра: натурных сьемок, обратного сьемки и т. д. Съем в них отсутствовал, это были комедии полочечки: люди бежали за «чортом» или за бочками, а попутно демонстрировались «увлекательные» свойства нового артефакта.

Кроме драм и комедий развивались также замаскированный из театра жанр фарсы — красных, раскрашенных от руки, костюмно-постановочных картин с затемнениями, таинственными превращениями и т. д. В 1904—05 г. появляются фильмы с намеками на сюжет, вроде «Счастья на целый год», в которой есть элементы комедии характеров. К 1907—08 г. относятся уже фильмы с «моралью». В фильме «Ребенок-спаситель» рассказывается, например, трагическая история о том, как отвлеченный злодей под влиянием встречи с невинным младенцем превратился в честного человека. К этому же времени относится появление приключенческих фильмов. В одной из ранних — «Фальшивомонетчик» — есть уже и погоня, и потайные ходы, и неустрашимый сыщик — элемент, сохранившийся во многих западных приключенческих «бесниках» до сих пор.

Срок лет назад, в 1895 г. Люмьер построил аппарат, который мог снимать, проявлять и показывать движущиеся фотографии. Вряд ли кто-либо подозревал тогда, что кино станет огромной отраслью промышленности, которая, благодаря изобретениям ряда величайших произведений искусства.

Самое молодое искусство через сорок лет стало у нас «самым важным и самым массовым из искусств». М. И. Б.

«БЛУЖДАЮЩАЯ ШКОЛА»

Название новой постановки, которую покажет в двадцатых числах октября Московский театр юного зрителя, — «Блуждающая школа».

Пьеса написанная Л. Кассином и С. Ауслендером, рассказывает о гимназии, о ее ломке, о первых днях советской школы.

— Это будет спектакль по истории советской школы, — сказал в беседе с нашим сотрудником постановщик спектакля А. М. Лобанов. — Я хочу сделать реалистический спектакль, который бы с ольным интересом смотрелся и ребенком и пришедшим с ним его родителями.

— Когда Станиславского спросили, как нужно играть для детей, он ответил: «Так же, как для взрослых, только тише». К этому ответу Кон-

стантина Сергеевича я присоединяюсь полностью и безоговорочно. По моему, детский спектакль должен отличаться от постановки «взрослого» театра не примитивностью, а большей прозрачностью и четкостью своих форм. И актер, если он хочет быть близок детям, обязан не снижать своего мастерства, а уточнять и совершенствовать его. В противном случае, кроме ослепления и вульгаризации ничего не получится.

Действие пьесы происходит в 1917—18 гг. Вся жизнь школы в нашей постановке протекает на фоне больших событий. В жизни класса, в его быте, как в капле воды, отражены те исторические сдвиги, свидетели и участники которых были герои пьесы.

История Караганды документы и воспоминания местных жителей. Режиссеры получили очень любопытный документ — договор, по которому казакские баи продали уроки и луга рабочих. В результате Караганда русским купцам за 250 рублей.

По предложению рабочих карагандинских рудников создается история угольного бассейна Караганда. Проведено два совещания старых рабочих на национальной родине, производственные трудности колхоза, руководимого Каргополовым, наконец, искание Каргополова из комсомола. На первый план выносятся: прогулки при луне, теннисная улыбка, эпизод с пьянкой, городничество.

Чудесным образом остающаяся в живых Лина не может простить Фешке возвращение к ней Романа. Последней силой обиды и ревности сценарист нацело акцентирует образ неукротимой трактористки. В фильме ей поручается только одна работа — она рассказывает по столу тарелки в праздник урожая.

Лина в «Неизвестный» не понимает сложной холмы водителя и контролера Инновича Окатова. Вся чужая мысль, что его временные успехи возможны только благодаря поддержке местной власти — предельно ослепляет, мучит. Она не видит организованного кулацкого козлаком «Союзный революция» полку середняков и бедноты. Ей ничего неизвестно о заимствования Окатова с кирзаческим кулачеством. Смысл и значение этих «счастливостей» остаются неизвестными и сценаристу.

Нет никаких оснований преуменьшать трудности экранзации литературных произведений. Здесь не только допустимы, но часто и обязательны значительные отступления от первоисточника, если ими оправдывается достижение определенной художественной идеи. В данном случае приходится переиспользовать, допустить в фильме отступления от романа только потому, что выбор этих отступ-

лений детей? Не развивает ли это в них тщеславия, не достаточно ли ограничить только выставкой наиболее ценных произведений, а в кружках заняться изучением литературы, чтением или рассказыванием художественных отрывков. Все это способствует развитию у детей литературного вкуса.

Мы смотрели работу изосекции, музыкальной секции, но невозможно в границах небольшой заметки осветить всю работу этого единственного в мире учреждения. Может быть, у него есть и недостатки, и даже нетерпение есть, так как это еще очень молодая организация. Но мы разрезали себе задать один вопрос: что сделал для ЦИХИД советский писатель? В альбомах дома можно найти автографы Мартина Андерсена Нессе, Жан-Ришара Бюка, Карина Михалыча и многих других известных европейских писателей. Но вы не найдете там записи ни одного крупного советского писателя. Почему наши писатели не интересуются художественным развитием детей, их литературным воспитанием?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

В то время как, например, в Калифорнии, нашему ДХВД воспевают целые номера журналов, где наряду с грустными данными о тяжелом положении художественного воспитания детей в Америке приводятся стороженные отчеты о работе нашего Дома, у нас в Союзе считается большим достижением, если, например, журнал «Стрелы» посвящает ему 2 страницы, или время от времени появляются в печати отрывки о какой-нибудь одной отрасли его работы. Неужели советскому писателю легче сказать об этом Доме? Неужели, наконец, он не может найти в нем ничего интересного для себя?

РЕДКИЕ КНИГИ

«И ТО И СЕ» И «НИ ТО НИ СЕ» Виллюеткой Института литературы имени Горького приобретены весьма редкие сатирические журналы восемнадцатого века — «И то и сё» и «Ни то ни сё» (второе издание). «И то и сё» выходил в Петербурге в 1769 г. Дам полнота текст титульного листа: «И то и сё, страница первая, изданная в Петербурге, в доме у господина М. Чукова, в доме у господина М. Чукова, в доме у господина М. Чукова»...

«И то и сё» — неслучайное название другим сатирическим журналом того времени. Его столбца, острооты тяжеловесны. Помещенные в нем статьи преимущественно переводные. Журнал не имеет успеха и закрылся после двадцатого номера. Остатки сатирических журналов «И то и сё» поступили к своему редактору, окончившему неудачливым образом сатирический журнал: «Немного времени «И то и сё» трудилось, в исходе февраля родилось на свет. Вся жизнь его была единым только бредом. И в блоку * наконец в ядре предродилось. А сего творю пререзано без веда, Исчезло во оном убоженьем гневде».

В 1771 г. выпущено в Петербурге второе издание «И то и сё», являющееся почти стереотипной копией первого. Только в титульном листе журнала выгнута надпись его на других языках и имеется объявление о цене в следующих стихах: «Всяк, кто пожелает без денежки алтын, Тому «И то и сё» Дадут листок один».

Сатирические журналы восемнадцатого века очень редко попадаются на книжном рынке, в особенности в полном виде. Экземпляры, приобретенные Институтом литературы имени Горького, вполне удовлетворительной сохранности.

В. П. КУНИН * В последнем номере «И то и сё» было помещено стихотворение «Блоку» (из Овидия).

«МЕЩАНЕ» В ЦТКА Как возник спектакль «Мещане» А. М. Горького на сцене Центрального театра Красной армии? — Мы хотели, — рассказывает постановщик спектакля, заслуженный артистка республики Е. С. Телешова, — дать актеру возможность работать над высококачественным классическим материалом. Выбор пал на «Мещане».

После трех месяцев работы стало ясно, что «Мещане» могут и должны быть включены в репертуар театра. По-новому прочтем Горького, взглянув на его героев глазами современной счастливой жизни, показать в пьесе вероломство и борьбу за нее — задача советского театра.

Пьеса увлекла постановщика, художника и исполнителей ярким, выразительным текстом, замечательными образами. Премьера «Мещан» будет показана в двадцатых числах октября. Художник спектакля — И. С. Федотов.

ПАМЯТИ С. М. КИРОВА Группа ленинградских писателей приступила к работе над произведением о Сергее Мироновиче Кирове. На-первых в союзе писателей состоялся беседа с Борисом Павловичем Поэром о материалах, имеющихся в распоряжении кировской комиссии.

На этом же совещании решено ленинградский номер журнала «Звезда» посвятить памяти Кирова.

Реконструкция Ленинграда ЛЕНИНГРАД (Наш корр.). Ленинградские архитекторы разрабатывают грандиозный план реконструкции Ленинграда. В этой работе примут участие и писатели. По предложению архитекторов писатели будут включены во все архитектурные бригады, разрабатывающие варианты реконструкции города. Для постоянной связи с ленинградским союзом архитекторов президиум ЛЕНСЦП выделил В. Лавренева.

Вред ответственного редактора И. Г. ПЛИСКО. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-54-69.

Государственное издательство «Художественная литература» Вышел из печати и разошелся подписчикам журнал КРАСНАЯ НОВЬ № 10 (Октябрьский) СОДЕРЖАНИЕ: А. Федосев — Последний из углов (роман, ч. III, окончание). ИЗ АРМЯНСКИХ ПОЭТОВ: Египет Чарчяц — Хубабог Шапарш (перевод П. Антокольского), Алаван — Колосса (перевод Э. Полюбовой), Вапша — Норич — Озеро Севан (перевод П. Антокольского), Е. Голован — Большая сила (повесть), Жак Жюно — Новеллы (перевод с французского И. Зусмановой), В. Державин — Облако (стихи), В. Нарбут — На Турском (стихи), С. Радимова — Человек из земли Уц (рассказ), А. Овнерман — Дружеское (рассказ), С. Канатчиков — Архидево рыцарь, Н. Корнев — Апри Варбос, И. Левина — Золота о человеке, Ю. Фролов — XV международный конгресс физиологов (9—17 августа 1938 г.).

В. Колбасовский — Поэзия педагога (о киноре А. Макаренке), Н. Деметрев — Об Алексее Суркове, Е. Дунаевский — Литература братских республик Средней Азии, И. Зусманович — Новеллы Жана Жюно, К. Краев — «Наступление».